

Михаил Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского

ORCID: 0000-0002-8777-541X; e-mail: mmkondratenko@gmail.com

Понятие «ВРЕМЯ» в нижнелужицком языке

Аннотация: Определение сущности времени в языковом его представлении включает множество аспектов, но для выявления и классификации качественных характеристик данного объекта номинации целесообразно рассматривать некоторые семантические модели, которые складываются вследствие опосредованных языком закономерностей интерпретации понятия 'время'. Такими моделями являются манифестации этого понятия полисемичными лексемами, раскрывающими при переносе наименования специфический образ времени; выражение связи между прошлым, настоящим и будущим; мотивация наименований периодов времени разновидностями сельскохозяйственных и иных работ; репрезентация аксиологических характеристик.

Ключевые слова: категории времени, нижнелужицкий язык, диалектология, семантические модели.

Abstract: The concept of TIME in the Lower Sorbian language. There are many aspects of the definition of the nature of time in language but in identifying and classifying the characteristics of the object category, some of the semantic models prove useful. They result from indirect language patterns used to interpret the concept of 'time'. These models are manifestations of this concept by polysemy lexemes, which reveal a specific image of time when transferring a notion; it is an expression of the connection between the past, present and future; motivation of notions of time periods by varied agricultural and other works; representation of axiological characteristics.

Keywords: categories of time, Lower Sorbian language, dialectology, semantic models.

Понятие времени наряду с понятием пространства является одним из самых важных в системе восприятия мира человеком и поэтому одним из центральных объектов номинации. Время как объект исследования вызывает интерес у представителей разных наук, по-своему интерпретирующих его сущность и категории.

Как отмечала С.М. Толстая,

пространство и время, важнейшие онтологические параметры жизни, постоянно входят в круг интересов самых разных наук [...] Для гуманитарных наук это, естественно, не объективные (физические, геометрические, географические) характеристики пространства и времени и не научные методы их описания, а их «наивные» образы, субъективные способы их восприятия, познания, переживания и освоения человеком и социумом, т. е. «антропологические» аспекты их изучения (Толстая, 2011, 7–8).

Отсюда возникает вопрос о критериях для описания лексики времени, ее релевантных свойствах и классификации, причем этот вопрос сохраняет актуальность на протяжении столетий.

Какова же суть времени с точки зрения ее репрезентации в языке? Важнейшим атрибутом, традиционно приписываемым времени, является движение: «ведь время или то же самое, что движение, или некоторое свойство движения» (Аристотель 1975, 307).

И. Ньютон выделял такие разновидности времени, как абсолютное и относительное, определяя их следующим образом:

1. Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью [...].
2. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени: час, день, месяц, год (Ньютон 1989, 30).

И. Кант констатировал субъективный характер восприятия времени: «различные времена суть лишь части одного и того же времени [...] время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» (Кант 2015, 39–40).

Безусловно, анализ понятия «время» через призму взглядов математиков или физиков не может автоматически переноситься на субъективное его восприятие, запечатленное в языке. В качестве одного из аргументов можно привести следующий пример. Р. Карнап отмечает: «мы не можем сдвигать во времени события вокруг нас, как мы можем перемещать ребра физических тел» (Карнап, 1971, 127). Однако зафиксировано множество народных магических текстов, передающих практику воздействия человека на время с помощью его компрессии или растягивания (Толстая 2010, 176–178).

В этом отношении большой интерес вызывает то, каким образом время интерпретируется самим языком, а в особенности – диалектом. В процессе номинации те или иные названия фиксируют ощущения человека. Результатом этой фиксации являются не только языковые единицы, но и определенные семантические феномены, в частности, особые способы семантической мотивации наименования. Среди них можно выделить формирование образов обозначаемых явлений как результата кристаллизации ощущений человека в их связи с традиционной материальной и духовной культурой.

Определение сущности времени в языковом его представлении включает множество аспектов, но для выявления и классификации качественных характеристик данного объекта номинации целесообразно исходить из констатации некоторых семантических моделей.

С этим связано одно из актуальных направлений исследования, а именно: учесть семантические оттенки лексем со значением времени, исходя из контекста,

а также семантические цепочки, сдвиги на материале диалектных микроузлов, хорошо представленных в лексикографических и иных источниках.

В этом отношении большое значение имеют лексические данные периферийных говоров Славии, которые в силу своей консервативности лучше сохраняют наиболее архаичные языковые черты и культурные стереотипы. О роли центральных и периферийных славянских диалектных зон писал Н.И. Толстой (1995, 50). Из более поздних работ можно отметить исследования А.А. Плотниковой по Южной Славии (Плотникова 2004). К подобным славянским говорам можно отнести лужицкие, достаточно репрезентативные в славянской лексикографии (словари К. Пфуля (Pfuhl 1866), А. Муки (Muka 1966), Х. Шустер-Шевца (Schuster-Šewc 1978–1996), А. Ивченко-С. Вёльке (Ivčenko, Wölke 2004).

Особый интерес вызывает решение некоторых ономаσιологических задач, а именно, как их определял Й. Шрөпфер (Schröpfer 1979): собрать, описать и объяснить средства, с помощью которых обозначается понятие. Таким образом можно выяснить его содержание. Из работ последнего времени в развитии этого направления можно отметить труд М. Якубович (Jakubowicz 2010).

Время в ижнелужицких говорах выступает как категория, синтезирующая разные аспекты жизни человека в единую систему мировосприятия. Обозначения времени являются мотивационной основой для наименований различных реалий хозяйственной деятельности человека, а также его духовной жизни, в частности народной мифологии: *pětula* ‘корова, родившаяся в пятницу’ (Muka 1966, II, 38), *sobota* ‘корова, купленная или отнятая от груди в субботу’ (Muka 1966, II, 477), *lětoškaŕ* ‘годовая рыба, особенно щука’ (Muka 1966, I, 825). Данные обозначения образованы от лексем с временным значением *sobota*, *lěto*. В обозначениях мифологических персонажей можно отметить *směrkawa* ‘привидение, появляющееся в сумерки’ (Muka 1966, I, 461). С другой стороны, различные бытовые реалии оказываются мотивирующей основой для народной хрономии: *pódřeńca* (букв. ‘ссадина’) ‘среда на первой неделе великого поста’ (по характерному обычаю бить ивовым прутом) (Muka 1966, II, 99), *pokoŕ* ‘время, когда запрещено охотиться’ (Muka 1966, II, 113).

Само обозначение родового понятия «время» отличается полисемичностью, в рамках которой, благодаря семантической связи значений лексемы, раскрывается образ этого понятия, его внутренняя форма: *cas* ‘время’ и одновременно ‘погода’ (Muka 1966, I, 115), *cera* ‘время жизни’ и ‘канавка, незамерзающая часть водоема с быстрым течением’ (Muka 1966, I, 118–119), *gód(a)* ‘время’ и ‘случай, повод’ (Muka 1966, I, 287), *chyla* ‘некоторое количество времени’ и ‘минутка, досуг’ (Muka 1966, I, 510), *gód(a)* ‘время’ (Muka 1966, I, 287) и *gódu* ‘новый год’ (Muka 1966, I, 441).

В ижнелужицких говорах представлена семантическая универсалия – использование одной лексемы или устойчивого словосочетания для обозначения как пространственных, так и временных параметров: *žyn a žyn* ‘здесь и там’, ‘иногда’. Понятие синхронности представлено как равенство: *zrowńu* ‘в то же время, одновременно’ (Muka 1966, II, 1112), а начало временной последовательности – как его передняя часть: *sprědka/u* (Muka 1966, II, 500–501).

Время получает качественную оценку или маркирует те или иные события в жизни человека благодаря дополнительным определениям, приобретаемым

существительным с родовым значением в составе словосочетания: *žniski, žnowny cas* ‘время жатвы’ (Muka 1966, II, 1150), *wójnski cas jo žurny cas* (военное время – тяжелое время) (Muka 1966, II, 1162), *žělabny, žělawy žeń* ‘рабочий день’ (Muka 1966, II, 1179), *zgotowny žeń (na jatšownicu)* (подготовительный день к Пасхе) (Muka 1966, II, 1085), *spytuje casy* ‘время искушения’ (Muka 1966, II, 287).

Время в его обозначениях в качестве родового понятия может быть представлено как бесконечность, что выражается в наличии общего фрагмента семантической сферы когнатов праславянского **věkъ*. В нижнелужицких говорах лексема *wěk* обладает значением не только ‘столетие’, но и ‘вечность’ (Muka 1966, II, 851).

Одним из типов осмысления времени в языке является его представление как подходящей или неподходящей поры для определенной деятельности: *doba* ‘удобное время, пора’ (Muka 1966, I, 174–175) наряду с *tudobu* ‘тогда, в то время’ (Muka 1966, II, 810). Благоприятное время может обозначаться как *godnosť* (Muka 1966, I, 289). Время может характеризоваться по степени его использования в некоторых целях и в этом отношении быть оставшимся от первоначальной величины – *zwóstatny cas* (Muka 1966, II, 1128). Время может быть упущенным – *skomužony cas*, однако его можно наверстать – *cas pósporíš* (Muka 1966, II, 498), а также назначить, установить – *hustawjony cas* (Muka 1966, II, 527). Кроме того, нечто проявляющееся до поры, в неподходящее время характеризуется как «вневременное»: *ńecasny pórod* (Muka 1966, II, 142) ‘преждевременные роды’.

Одной из граней языкового представления движения времени является особая связь прошлого, настоящего и будущего, в частности картины их расположении относительно друг друга на временной оси. Нижнелужицкое *dawetko*, обозначающее такие понятия, как ‘прежде, недавно, доньше’ и ‘только что’ представляет связь прошлого и настоящего как «перерастания» одного в другое (Muka 1966, I, 161).

Взаимоотношения между прошлым и будущим, с точки зрения их расположения относительно линейной последовательности, раскрывают производные от праславянского **chod-*: *pśichod* ‘будущее’ (наряду с ‘адвент’, ‘приход’) (Muka 1966, II, 248), а также *zachod* ‘прошлое’ и ‘заход солнца’, *zachadnosť* ‘прошлое’ (Muka 1966, II, 1012), *zachadny tyžen* – ‘прошлая неделя’ (Muka 1966, II, 1012). Прошлое предстает в нижнелужицкой лексике как нечто первое, начальное: *perwota, perwotnosť* (Muka 1966, II, 44–45); подобным же образом передается значение ‘позавчера’: *prěžeń* (из *předny žeń*) (Muka 1966, II, 181).

Настоящее в лексике народных говоров ассоциируется со временем жизни человека. В нижнелужицких говорах окончание этого «настоящего» интерпретируется как уход, выход: *huchod* – ‘смерть’ наряду со значениями ‘выход, исход, отъезд’ (Muka 1966, I, 430); более отвлеченное значение окончания, конца чего-либо также представлено в языке лужичан: *wukhód* (Pfuhl 1866, 906).

Настоящее время, или время жизни, нередко получает оценочное значение, положительное или отрицательное. Зачастую оно, с точки зрения народной аксиологии, уступает по своему качеству прошлому: *w nětejšnym casu* (в настоящее время) *by se rampa wózenila, gaby peńeze měla* (в настоящее время и свинья бы вышла замуж/женилась, если бы имела деньги) (Muka 1966, II, 1144).

Время жизни манифестируется как свое: *swójogo casa pšawé póžyś* (правильно использовать свое время), *za mój cas* (в мое время) (Muka 1966, II, 998). При этом границы настоящего, или времени жизни, не зависят от человека согласно поговорке *smerś néglěda na lěta* (смерть не смотрит на годы) (Muka 1966, II, 462).

Значение жизненного пути человека (то есть его настоящего) как непостоянного, временного, преходящего представлено в лужицких говорах лексемой *zachodnosć: zachodnosć wobzan(m)knyć* (закрыть преходящее, временное – то есть, умереть) (Pfuhl 1866, 974). Противопоставление земной жизни вечности реализуется в словосочетаниях *casna a wěcna smerś* (временная (земная) и вечная смерть) (Muka 1966, I, 115). Настоящее может интерпретироваться как присутствие: *pšitomnosć* ‘настоящее, присутствие’ (Muka 1966, II, 266).

В нижнелужицких говорах процесс постепенного перерастания одного вида времени в другое демонстрируют также номинации различных осенних и весенних периодов, а именно: по их предшествованию зиме или следованию за ней: *pózymski mjasec* ‘март’; *wotzymk* ‘поздняя зима’ (Muka 1966, II, 963) и *hobnazyme* ‘осень’ (Muka 1966, I, 372), *nazymnik* ‘ноябрь’ (Muka 1966, I, 1001).

Подобный «синтез» времен в рамках значения одной лексемы, по-видимому, представляет собой древний семантический архетип, поскольку характерен и для немецкого диалектного материала: *allweil* (и.-е. **kueie* ‘находиться в состоянии покоя’ (Kluge 2002, 980) ‘всегда’ и наряду с этим значением – ‘ныне, в настоящее время’ (WvMF 2000, 36).

Одна из самых многочисленных по количественному составу групп слов с временным значением – наименования периодов времени, мотивированных обычной для них разновидностью сельскохозяйственных работ или связанных с ними торжественными мероприятиями. Лексика нижнелужицких говоров свидетельствует о том, что обозначения времени наглядно характеризуют и интерпретируют различные виды деятельности человека, в том числе – трудовую. Об этом говорит особая сегментация не воскресного, рабочего дня – *ńenežela* (Muka 1966, I, 1044).

В исследуемом материале отмечены лексемы, обозначающие время окончания жатвы: таким образом в нижнелужицких говорах дается название восьмому месяцу года, то есть августу – *žeńc* (Muka 1966, II, 1144), лексема *dožneše* имеет значение ‘время, когда заканчивается жатва’ (Muka 1966, I, 196). Ноябрь может именоваться по процессу молотбы – *młošny mjasec* (Muka 1966, I, 910–911), июль – быть «ржаным» месяцем: *ržynski mjasec* (Muka 1966, II, 364–365), июнь – месяц парового поля (Brachemonat) *sma(ž)ski* (как субстантивированное прилагательное и в сочетании с существительным *mjasec*) (Muka 1966, II, 460), октябрь – месяц вина: *winski mjasec* (Muka 1966, II, 882).

Специфику восприятия последовательности событий традиционной народной культуры демонстрируют такие нижнелужицкие наименования, как *baranowa swajžba* (свадьба баранов) ‘праздник пастухов, во время которого они нанимались на работу’ (Muka 1966, I, 14); *dołamowak* ‘последний вечер перед Рождеством, когда можно прясти (после чего веретено ломали)’ (Muka 1966, I, 184), *za(do) palowak* ‘вечер четверга после масленицы (когда сжигают остатки прялок)’ (Muka

1966, II, 1031), *hoklepice* (от глагола со значением ‘выколотить’) – ‘день сдачи отчета волостного старшины (в период празднования Троицы)’ (Muka 1966, I, 396).

Народные праздники составляют одну из важнейших сторон восприятия времени, так как обозначают определенные вехи, переводящие одно его качество в другое: время работы – во время отдыха и наоборот. Понятие отдыха связывается в нижнелужицких говорах с окончанием работы, пахоты: *dowor* ‘свободное время’ и *doworaś* ‘допахать’ (Muka 1966, I, 194).

Характерным для нижнелужицких говоров является также обозначение периода времени по моменту его начала или завершения, при этом маркером выступает характерная реалия, сопутствующая этому моменту. Набор подобных реалий может, в свою очередь, служить основанием для семантической типологии. Такие наименования отмечены в лексике, обозначающей интервалы и периоды в рамках суток. Ряд названий утра указывают на появление солнца как определяющий фактор: раннее утро в нижнелужицких говорах может обозначаться как *shuńco* (солнце) (*wót shuńca až do čmy* (от раннего утра до позднего вечера) (Muka 1966, II, 439). В этом названии содержится не прямое свидетельство «промежуточного» статуса такого времени суток, как утро (и, возможно, вечера) и одновременно более значимой роли дня (по-видимому, наряду с ночью). Возможно, именно этим фактором объясняется употребление многих слов для названия утра в переносном, метафорическом или метонимическом, значении как наступления дня, появления солнечного света.

Наступление утра может быть представлено как проявление дневного света также другим образом: *do dńa* (Muka 1966, I, 173), *až do bělego dńa, stawaj, běły žeń bywa* (Muka 1966, I, 28), *pśed switanim* (Muka 1966, II, 1127). В нижнелужицких говорах утро может рассматриваться как окончание ночи, в таком случае его обозначения мотивированы серым цветом, то есть ослаблением темноты: в нижнелужицких говорах *žeń se šeri* ‘светает’ (буквально: день становится серым) (Muka 1966, II, 630).

В рамках данной семантической модели вечер представлен, соответственно, как период времени «после солнца»: *póshyńco* ‘сумерки, время после захода солнца’ (Muka 1966 II, 147), а также «после сумерек»: *pó zmyrkańu* (Muka 1966, II, 1101).

В названиях праздников также отмечены определенные семантические модели, в частности в наименовании своеобразного «маленького» праздничного дня, наступающего через неделю после основного, подразумеваемого как «большой», например: *male jatšy* (малая Пасха) ‘следующее воскресенье после Пасхи’ в нижнелужицких говорах (Muka 1966, I, 536). Вероятно, здесь идет речь о семантическом архетипе, что подтверждается семантическими и лексическими параллелями в других славянских, а также немецких диалектах. Так, модель «маленьких» праздников повторяется также в южнонемецких говорах в виде *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год) ‘день поклонения волхвов’, то есть праздника через неделю после Нового года в говорах Средней Франконии (WvMF 2000, 10) и *mal-kata чорква* в говорах Болгарии (Koseska-Toszewa 1972, 75).

Одним из способов номинации периодов, интервалов времени, а также дат народного календаря являются заимствования. Для нижнелужицкого языка – это,

прежде всего, немецкие заимствования. Контактам славянских языков с немецким уже посвящены многочисленные работы, в частности труды М. Лазинского (Łaziński 2008), С.М. Неверклы (Newerkla 2011), Я. Сятковского (Siatkowski 2015) и других.

Важнейшей проблемой в этой области исследований остается, пожалуй, выявление критериев для разграничения случаев семантических заимствований и явлений параллельного семантического развития. Лексические заимствования распознаются по различным внешним признакам, например по фонетическому облику слова. Ситуация с семантическими заимствованиями представляется более сложной.

К числу семантических заимствований относится в ижнелужицких говорах наименование даты народного календаря *hopalony swěžeń* < *Brandbustag* (*hopalony* < *Brand*, *swěžeń* ‘Feiertag’) (Muka 1966, I, 404).

Среди лексических заимствований можно отметить следующие: *balabnica* ‘Palmsonntag, вербное (пальмовое) воскресенье’ < *Palm* (Muka 1966, I, 12); *biře* ‘Pfungsten, Троица’ < ahd. *fira* ‘праздник’ (Muka 1966, I, 35); *campor* ‘масленица’ (Muka 1966, I, 110), *c(w)hyla* < ‘промежуток времени, досуг’ (Muka 1966, I, 510), *jastry* < ‘Ostern, Пасха’ (Muka 1966, I, 534), *jatšman* ‘der Ostermonat, пасхальный месяц, апрель’ (Muka 1966, I, 536), *holparga* < ‘Walpurgisnacht, Вальпургиева ночь’ (Muka 1966, I, 399), *kermuša* < *Kirmess* ‘храмовый праздник, отмечаемый ежегодно’ (Muka 1966, I, 591), *štunda* < *Stunde*, *štundka* ‘часок’ (Muka 1966, II, 674).

Еще одну разновидность заимствований составляют смешанные, состоящие из лексического и семантического заимствований: *běrtyllětny* ‘трехмесячный’ < *Viertel* (четверть) und *lěto* ‘год’ (Muka 1966, I, 319), *bjatowny žeń* < *Bettag* (день молитвы), *bjatowna šroda* ‘среда перед поминальным воскресеньем (буквально: молитвенная)’ (Muka 1966, I, 40), *male jašy* (малая Пасха) < ‘воскресенье после Пасхи’ (Muka 1966, I, 536), *młoda kermuša* (молодой кирмес) ‘праздник через неделю после настоящего кирмеса’ (Muka 1966, I, 591), *martrowy tyžeń* ‘die Marterwoche, Страстная неделя’ (Muka 1966, I, 864); *stara holparga* (старая Вальпургиева ночь) ‘через неделю после настоящей Вальпургиевой ночи’ (Muka 1966, I, 400).

Таким образом, исследование обозначений понятия «время» в ижнелужицком языке приводит к выводу о том, что основная функция времени как категории народного мышления заключается в создании целостной картины восприятия мира из отдельных ее фрагментов, что манифестируется темпоральной лексикой и фразеологией.

Литература

- Аристотель [Aristotel] (1975), *Сочинения в четырех томах* [Sochineniia v chetyrekh tomakh]. Т. 1, Москва.
- Кант И. [Kant I.] (2015), *Критика чистого разума* [Kritika chistogo razuma], Москва.
- Карнап Р. [Carnap R.] (1971), *Философские основания физики* [Filosofskie osnovaniia fiziki], Москва.

- Ньютон И. [Newton I.] (1989), *Математические начала натуральной философии* [Matematicheskie nachala naturalnoi filosofii], Москва.
- Плотникова А. А. [Plotnikova A. A.] (2004), *Этнолингвистическая география Южной Славии* [Etnolingvističeskaja geografija Južnoi Slavii], Москва.
- Толстая С.М. [Tolstaia S. M.] (2010), *Семантические категории языка культуры* [Semantičeskie kategorii iazyka kultury], Москва.
- Толстая С. М. [Tolstaia S. M.] (2011), *Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре* [Prostranstvo i vremja v etnolingvističeskoj perspektive // Prostranstvo i vremja v iazyke i kulture], Москва.
- Толстой Н. И. [Tolstoj N. I.] (1995), *Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры. В: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике* [Problemy rekonstrukcii drevneslavjanskoj dukhovnoi kultury. V: Iazyk i narodnaia kultura. Očerki po slavjanskoj mifologii i etnolingvistike], Москва.
- Ivčenko A., Wölke, S. (2004), *Hornjoserbski frazeologiski słownik*, Budyšin.
- Jakubowicz M. (2010), *Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny*, Warszawa.
- Kluge F. (2002), *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin–New York.
- Koseska-Toszewa V. (1972), *Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Łaziński, M. 2008, *Słownik zapożyczeń niemieckich w polszczyźnie*, Warszawa.
- Muka A. (1966), *Słownik dolnosorbskeje rěcy a jeje narěcow. Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte. B. 1-2*, Budyšin.
- Newerkla S. M. (2011), *Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch*, Frankfurt am Main.
- Pfuhl C. T. (1866), *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch*, Budyšin.
- Schröpfer J. (1979), *Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre*, Heidelberg.
- Schuster-Šewc H. (1978–1996), *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bautzen.
- Siatkowski J. (2015), *Studia nad słowiańsko-niemieckimi kontaktami językowymi*, Warszawa.
- Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken* (2000), Würzburg.